

БОРИС МАРТЫНОВ

МНОГОПОЛЯРНЫЙ ИЛИ МНОГОЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ МИР?*

Стало общепринятым мнение, согласно которому глобальные проблемы современности не могут быть решены усилиями одной, пусть даже самой сильной, державы мира либо усилиями ограниченного круга крупных держав. Перспектива глобального сотрудничества в рамках многополярного мира рассматривается многими в качестве императива, гарантирующего выживание человечества на нашей планете. Следует, однако, признать, что многополярный мир не является некой сложившейся реальностью, а сама концепция многополярности не отработана ни в теоретическом, ни тем более в практическом планах. Она вызывает ряд вполне закономерных вопросов и является объектом критики не только со стороны тех, кто заинтересован в сохранении гегемонии единственной сверхдержавы, но и тех стран и народов, которые опасаются вновь, как и в ситуации «классической многополярности» кануна Первой мировой войны, оказаться пассивными объектами манипулирования со стороны «пятерки» или «десятки» новых великих держав. Смысл статьи не только в необходимости дополнительного обоснования альтернативности многополюсного миропорядка, но и в выявлении общих ценностных подходов к идее многополярности со стороны таких культурно различных и удаленных друг от друга стран, как Россия и государства латиноамериканского региона.

1

Идея создания многополярного мира и поддержания отношений в глобальной системе на основе реальной многосторонности начала становиться более важной для внешней политики России примерно с середины 1990-х годов¹. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. было зафиксировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов». «Гарантия эффективности и надежности такого мироустройства, — говорилось далее, — взаимный учет интересов. Миропорядок XXI века должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на *приоритете права* (курсив мой. — Б.М.) и широкой демократизации международных отношений»².

Считая «нарастающую многополярность» одной из «фундаментальных тенденций современного развития», Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 г. констатировала «объективное повышение роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике и экономике, вызванное усилением взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости мирового развития», и подтверждала стремление России «продолжать доби-

* Статья написана при финансовой поддержке РФГФ в рамках исследовательского проекта № 09.03-00803а/Р «Исторические, социально-экономические и цивилизационные особенности восприятия идеи многополярного мира в странах Латинской Америки и их влияние на формирование образа Российской Федерации в регионе».

ваться укрепления многосторонних начал в мировых делах, формирования такой архитектуры международных отношений, которая основывалась бы на признании международным сообществом принципов неделимости безопасности в современном мире и отражала бы его многоликость». При этом в качестве стратегического направления внешней политики вновь намечалось установление «справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права»³.

Можно ли считать характеристикой настоящего исторического момента «нарастающую многополярность»? Наверное — если не выдавать желаемое за уже свершившийся факт. Но что такое «многополярность», и почему она заведомо лучше того, что уже имело место в истории: биполярности и однополярности? Многие профессиональные политики, часто употребляющие этот термин, предпочитают оставаться в плену массовых стереотипов. Тем не менее поставленная задача активного участия России в построении многополярного мира требует более глубокого анализа данной концепции, которая, как, наверное, любая другая, имеет свои достоинства и недостатки. К тому же, с учетом признания «культурно-цивилизационного многообразия современного мира»⁴, такой анализ необходим для выяснения отношения к этой концепции со стороны основных цивилизаций этого мира.

Комплексная научная проработка концепции многополярности до сих пор не помещалась в практическую плоскость. При этом, как было справедливо отмечено Т. Шаклеиной, «отстаивание концепции полицентричного (многополярного) мира без уяснения особенностей такой системы, ее преимуществ и изъянов как для мира в целом, так и для отдельных крупных держав, без достижения консенсуса между ведущими мировыми державами относительно того, как будет осуществляться коллективное управление, без

признания всеми участниками необходимости согласованного взаимодействия и разумной конкуренции — не позволит достичь успеха»⁵.

Идея многополярного мира не нова. Фактически логика многополярности сложилась задолго до Первой мировой войны. Десятилетие, которое непосредственно предшествовало войне, определялось достаточно хрупким «балансом сил» великих держав — Британии, Германии, Франции, России, США, Австро-Венгрии, Италии и Японии. «Для многополярности, — отмечает А.Д. Богатуров, — характерна примерная сопоставимость совокупных возможностей одновременно нескольких государств мира, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными. Приблизительно такая структура международных отношений была в Европе XIX века, когда европейские великие державы ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся “уйти в отрыв” соперником»⁶.

Несмотря на «почти научный» (по Дж. Кеннану) характер европейского баланса сил, обязанного своим происхождением О. фон Бисмарку, достаточно было одной искры — выстрела в Сараево, чтобы долго копившиеся внутренние противоречия между участниками системы вырвались наружу. Неспособность многополярности начала XX в. предотвратить скатывание мира к кошмару всеобщей войны служит на сегодняшний день чуть ли не главным аргументом в руках тех, прежде всего американских (Зб. Бжезинский, Ч. Краутхаммер, Р. Кохейн) ученых, которые видят в «благожелательном гегемонизме» самого сильного участника системы, либо в биполярном «разделении ответственности» за мир двух самых сильных держав (К. Уолтц, Дж. Меершаймер), залог обеспечения глобальной безопасности. «Многополюсный мир был очень стабильным, — писал в 1993 г. один из патриархов

американской политологии К. Уолтц, — но одновременно, к несчастью, и слишком предрасположенным к войнам»⁷.

В этой аргументации присутствует один явный изъян. Авторы почему-то «не спешат» проанализировать отличия той «классической» многополярности от нарождающейся нынешней, ограничиваясь простым и эффективным, но довольно поверхностным сравнением двух систем.

«Система Бисмарка» в Европе обладала рядом специфических черт, которые, на мой взгляд, в корне отличают ее от нынешней нарождающейся многополярности. *Во-первых*, она была закрытой и элитарной, поскольку ограничивалась несколькими развитыми государствами Европы, США и Японией. *Во-вторых*, она имела место в ситуации, когда война, согласно действовавшему тогда международному праву, все еще признавалась легитимным средством разрешения международных споров и конфликтов. К тому же немаловажно, что «классическая» система существовала в отсутствие мощного фактора сдерживания, каким после Второй мировой войны стало ядерное оружие. Между тем именно оно во многом помогло «холодной войне» не перерасти в «горячую» и позволило человечеству выжить, несмотря на обилие кризисов (два Берлинских, Корейский, Суэцкий, Карибский и пр.), которые по своему конфликтному потенциалу многократно превосходили сараевский.

Наконец, наиболее важное. В «систему Бисмарка» входили разные страны, с разными государственными системами и порой полярно различавшимися *государственными* интересами. Однако все они (за исключением Японии) принадлежали к одной и той же *западной христианской цивилизации* и, конкурируя и враждуя друг с другом, выступали, как правило, единым фронтом в отношениях с неоформившимися, недостаточно оформившимися или откровенно слабыми в государственно-правовом, экономическом и военно-политическом плане «не-западными» цивилизациями — Китаем, Индией,

странами Африки и Латинской Америки. Сегодня, когда речь идет о «многополярном мире», то подразумевается прежде всего нарождающееся *межцивилизационное общение* не столько отдельных стран, сколько целых регионов Земли и, если брать еще шире — *различных рас, религий, культур и моделей социально-экономического развития*. Такая парадигма в корне отличается от многополярности начала XX века.

Нарождающаяся многополярность несет в себе как дополнительные возможности сотрудничества, так и новые, во многом еще мало знакомые нам *нагрузки и риски*, поскольку под понятие «межцивилизационное общение» совершенно естественно подпадают также кризисы и конфликты «нового поколения». «Глобальная конкуренция, — постулировалось в Концепции внешней политики РФ 2008 года, — впервые в новейшей истории приобретает цивилизационное измерение, что предполагает конкуренцию между различными ценностными ориентирами и моделями развития в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики»⁸. В отношении последних также возможны ценностные, культурные и другие нюансы, о чем свидетельствовала международная практика последних двадцати лет. В частности, глобальный экономический кризис продемонстрировал утопичность разговоров об «универсальных принципах рыночной экономики» именно в тех странах, которые пытались возвести эти принципы в абсолют для всех и каждого на планете.

Интересной в этом плане была теория «плюралистической однополярности», выдвинутая А.Д. Богатуровым в начале 1990-х годов. В ней он говорил об «изменении природы», «дозированной плюрализации» однополярного лидерства США в мире, рассматривая эту страну уже не как единоличного лидера, «а в плотном окружении стран “семерки”»⁹, то есть, по сути дела, как лидера единой цивилизации Запада¹⁰. Это дало автору основания помыслить о том, что однополярность

«смягченного» типа будет менее жесткой в своем воздействии на внешний мир, нежели гегемония одного государства – Соединенных Штатов.

После 11 сентября 2001 г. и последовавших за ним событий разговоры о междоцивилизационном взаимодействии приобрели характер мрачных пророчеств. Казалось, начали сбываться предсказания С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Для наиболее искушенных обнажилась связь между глобализацией как стиранием информационно-культурных граней между различными человеческими сообществами и протестом «традиционных» социумов, например мусульман или американских индейцев, против навязываемых им чуждых поведенческих стереотипов¹¹. Закономерен вопрос: не связывает ли человечество слишком много надежд с концепцией многополярности в условиях отсутствия гарантий того, что новая многополярность XXI в. не станет хуже всех тех систем, которые уже пережило человечество в своей относительно недавней истории – «классической» многополярности, биполярности, «недоразвившейся» (или «плюралистической») однополярности? Прежде чем на него ответить, следовало бы более пристально рассмотреть все вышеперечисленные системы в сравнении друг с другом.

2

В первом десятилетии нового века можно констатировать вспышку ностальгии по канувшей в лету эпохе биполярности, получившей с «легкой руки» американского историка Дж.Л. Гэддиса наименование «длинный мир» (*The Long Peace*). Стали востребованными произведения тех авторов, которые еще в разгар эйфории «конца истории» предупреждали мир о тяжелых последствиях разрушения установившегося после 1945 г. глобального миропорядка. Чего стоило, например, мнение профессора Дж. Меершаймера, высказанное им еще в 1990 г. (!) о том, что «в один прекрасный день мы станем со-

жалеть об утрате порядка, который благодаря «холодной войне» пришел на смену хаосу в международных отношениях»¹².

«Биполярная система, – писал он, – имеет более мирный характер по той простой причине, что в состоянии соперничества находятся только две крупные державы. Больше того, при данной системе великие державы, как правило, требуют лояльности от малых стран, что с высокой долей вероятности приводит к образованию жестких союзнических структур. Малые государства, таким образом, защищены не только от нападений противостоящей державы, но и друг от друга. Следовательно, биполярная система имеет только одну диаду (пару), в которой может разразиться война. Многополярная система обладает гораздо большей подвижностью и содержит множество таких диад. Поэтому при равенстве других факторов вероятность войны статистически выше при многополярной модели, чем при биполярной. Принято считать, что в многополярном мире вооруженные конфликты, в которых участвуют только малые страны или только одно крупное государство, не столь разрушительны, сколь столкновение между двумя крупными державами. Но малые войны всегда могут перерасти в крупные»¹³.

Конкретика биполярного противостояния 1945–1991 годов была намного богаче той жесткой схемы, в которую ее пытался уложить Дж. Меершаймер. Нельзя, например, не видеть, что ближе к концу «холодной войны» мир стал практически трехполюсным, учитывая глобальную роль Китая, проявляющуюся в сложном взаимодействии в треугольнике СССР – США – КНР и в реальности возникновения полномасштабной войны между Советским Союзом и Китаем. «Внутрисистемные» войны – китайско-вьетнамская (1979), сомалийско-эфиопская (1977), англо-аргентинская (1982) – при этом не исключались. Кроме того, «лояльность малых стран» была явлением весьма относительным, учитывая, что поведение ГДР, Кубы и Вьетнама в отношении СССР, или

Франции и Израиля в отношении США в ряде случаев можно было бы с успехом назвать «квази-лояльным».

Подчеркивая заслуги биполярности в обеспечении «долгого мира», Дж.Л. Гэддис, кстати, признавал, что во многом этот мир был результатом *случайного стечения обстоятельств*. «Холодная война», — написал он в своем обобщающем труде по ее итогам, — могла быть хуже, гораздо хуже... Все могло произойти с точностью до наоборот». «Сегодняшний мир, — заключал он, — стал лучше, потому что эта война была выиграна *правильной* (курсив мой. — Б.М.) стороной»¹⁴.

Представлением о «правильности победы США» тут же воспользовалась та часть американской правящей элиты, которая увидела в идее «благожелательного гегемонизма» наименьшее зло по сравнению с гегемонией «клуба избранных» или с биполярным балансом сил. В кампании по популяризации этой идеи оказались задействованы видные фигуры, представлявшие как демократическую, так и республиканскую партии (Зб. Бжезинский, Ч. Краутхаммер, Р. Кейган, У. Кристол и др). Их взгляды достаточно подробно рассматривались в российской и зарубежной литературе¹⁵, и останавливаться на них не имеет смысла. Пожалуй, лучшей иллюстрацией этих воззрений могли бы стать слова госсекретаря в демократической администрации У. Клинтона М. Олбрайт, которая обосновывала необходимость обеспечения глобального лидерства США тем, что американцы просто «имеет более стратегическое видение ситуации» (see further)¹⁶.

Практические результаты «благожелательного гегемонизма» оказались настолько плачевными, что даже один из признанных столпов неоконсервативного направления мысли Р. Кейган был вынужден признать в 2008 году: «Сегодняшний мир больше напоминает XIX столетие, нежели конец XX века. Те, кто считает это хорошей новостью, должны вспомнить, что XIX столетие не окончилось так благополучно, как эпоха “холод-

ной войны”»¹⁷. Пафос произошедшего заключался, думается, в том, что, претендуя на роль лидера однополюсного мира, США оказались *физически и морально неподготовлены нести бремя такого лидерства*. В результате изначально казавшаяся одинаково приемлемой для всех американская модель «свободы-демократии» натолкнулась на непонимание и неприятие не только в странах, принадлежащих к иным, по сравнению с США, *цивилизационным системам* (Ближний Восток, Латинская Америка, Россия), но и там, где эта модель, казалось, была изначально «запрограммирована» на успех (страны так называемой «старой Европы»).

З

На мой взгляд, новая, нарождающаяся многополярность не может быть никакой иной, кроме как *цивилизационной*. Стоит подчеркнуть, что межцивилизационное общение — *это уже реальность современного мира*, в котором помимо государств и наряду с ними в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различного рода все больше вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и, наконец, отдельные люди *как представители своих цивилизационных архетипов*.

Одновременно следует согласиться с тем, что формирование на *макроуровне* международного общения новых цивилизационных полюсов современного мира¹⁸ на микроуровне дополняется *поляризацией ценностей*. Это находит подтверждение в неодинаковом отношении людей разных цивилизационных архетипов к *глубинному восприятию* одних и тех же проблем, которые затрагивают человечество в целом (терроризм, борьба с бедностью и социальным неравенством, ядерное распространение, экология и т.д.). При этом различий в поверхностном («констатирующем») восприятии самой проблемы, как правило, не наблюдается. Как

следствие, призывы, раздающиеся на широком международном уровне, например, в ООН, «бороться с терроризмом», «препятствовать распространению ОМУ», «ликвидировать социально-экономическое неравенство», «улучшать экологическую ситуацию» зачастую повисают в воздухе. Многие инструменты, призванные решать глобальные проблемы, оказываются «беззубыми», так как ради сохранения видимости единства мнений либо в силу особого подхода к этим проблемам их составители намеренно не касаются сути. Чего стоил, например, с юридической точки зрения такой документ, как Межамериканская антитеррористическая конвенция 2003 года, где международный терроризм назван «злом». Однако в чем причина «зла» и кто может быть отнесен к «злодеям» — неизвестно. Как, например, можно добиваться соблюдения всеми Договора о нераспространении ядерного оружия, если США своей силовой политикой наводят «пороговые» страны на мысль о ядерном оружии как о единственной гарантии от вмешательства в их внутренние дела?

На этом фоне особое значение приобретает феномен «адресности» (по принципу облегчения цивилизационного контакта). Отсутствие явно выраженного центра в одной из наиболее влиятельных и бурно развивающихся цивилизаций современного мира — исламской, разумеется, усложняет систему межцивилизационного взаимодействия, не отменяя, однако абсолютной необходимости ее установления. В то же время в последние годы наблюдается рост взаимодействия по линии «родственных» цивилизаций, в частности между христианской православной (Россия) и христианской католической цивилизациями. Это проявилось в своеобразном «открытии» Россией Латинской Америки в 2005—2008 годах и, в несколько меньшей степени в традиционно более конструктивно складывающихся отношениях между РФ и католическими странами «старой Европы» (Франция, Италия, Испания, частично —

ФРГ), чем, например, с государствами англосаксонского мира.

Активизация России на латиноамериканском направлении хотя и стала «во многом неожиданным прорывом в российской внешней политике»¹⁹, имела под собой, помимо геополитических, достаточно глубокие *морально-правовые и цивилизационные основы*. Не в этом ли кроется отмеченный исследователями МГИМО парадокс: российская внешняя политика в период 2008—начала 2009 годов показала относительно высокую эффективность «как раз там, где имеющиеся ресурсы влияния относительно невелики», в первую очередь на латиноамериканском направлении и в группе БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай)?²⁰ Может быть, следует поставить вопрос шире: о том, что *наше представление о «ресурсах влияния» несколько устарело и нуждается в дополнении?* Говоря о «влиянии» и международном имидже нашей страны, традиционно апеллируют к экономическим, политическим и, наконец, военным факторам, забывая о том, что эмоционально-психологическая схожесть людей разных наций и культур, их *общие представления о справедливости, морали и праве* способны дать не менее весомый «имиджевый эффект».

Если в чем-то и наблюдается преимущество системы многополюсного мироустройства перед однополярной и биполярной, так это в том, что для своего функционирования она должна основываться на *праве*. *Грубая сила не нуждается в праве*, которое призвано ее разумно ограничивать. Верность этого наблюдения очевидна на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока глобальной системы. Применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» субъектов стремится к обеспечению «свободы рук» в своей зоне влияния, не зирая ни на какое международное право. Последнее ими используется, но, как правило, не по прямому назначению, а для дискредитации позиции соперника в

глобальной игре с «нулевой суммой». Однако для взаимодействия *нескольких* крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощью и влиянием, право необходимо для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus vivendi*. Это тем более применимо к такой сложной системе, как цивилизационная многополярность. От отношения к международному праву главных действующих лиц такой системы будет напрямую зависеть ее функциональность.

Как показал опыт общения России со странами англосаксонского мира, между ними выявились и продолжают выявляться весьма существенные различия в ценностных подходах к таким, казалось бы, общим для всех понятиям, как «безопасность», «партнерство», «суверенитет», «демократия», «права человека», «терроризм». То же относится и к пониманию роли *международного права как демиурга мировой политики*, которое отстаивается российской дипломатией на теоретическом и практическом уровнях в контексте стратегии многополярности. После событий на Кавказе в августе 2008 г. стремление России к укреплению и совершенствованию правовых основ международных отношений только усилилось. Принципиальную важность в данном случае приобретает налаживание активного взаимодействия с теми участниками глобальной системы, отношение которых к международному праву можно квалифицировать по крайней мере как уважительное.

«Открытие» Россией Латинской Америки в последние годы, помимо соображений геополитики, объяснялось тем обстоятельством, что позиции России и большинства латиноамериканских стран по наиболее актуальным вопросам мировой политики и международного права «близки или совпадают». Эта ставшая уже шаблонной фраза вошла в политический обиход не в последнюю очередь благодаря тому, что и Россия, и государства латиноамериканского региона рассматривают международное право в качестве естест-

венной опоры многополюсного миропорядка. В основе нашего сближения лежит общее — *правовое* — понимание таких проблем, как выстраивание многополярного мира, укрепление авторитета ООН, создание и поддержание региональных систем безопасности, борьба с международным терроризмом, «старыми» и «новыми» угрозами международному сотрудничеству, выработка недискриминационных условий международной торговли и многое другое.

Исторически сложившееся особое отношение латиноамериканцев к международному праву²¹ отвечает главным императивам нашей эпохи. Оно не позволило им одобрить агрессию США и НАТО в Югославии и бомбардировки Косова в 1999 году. Большинство государств региона отказались признать легитимность вторжения США и их союзников в Ирак. Особого внимания заслуживает интерпретация в Латинской Америке такой актуальной проблемы, как международный терроризм. Еще за два года до 11 сентября 2001 г. в «Белой книге по вопросам национальной обороны Чили», говорилось о том, что «бум исламского фундаментализма» может стать результатом попыток насильственного привития всему миру стандартов потребления и культуры одной-единственной цивилизации — западной²². Все страны этого региона придерживаются идеи необходимости построения многополярного мира и в своей практической политике пытаются превратить эту идею в жизнь.

* * *

Говоря о цивилизациях — потенциальных субъектах системы межцивилизационного взаимодействия — необходимо избегать упрощений. На практике многие вещи выглядят иначе, чем в теории. При более детальном рассмотрении позиций России и ведущих государств латиноамериканского региона проследивается определенная разница подходов. Политическая культура латиноамериканских стран, продолжающих вос-

принимать себя в контексте «бедного» (а ныне все больше «поднимающегося») Юга, контрастирует с российской, которая традиционно привыкла воспринимать миропорядок через призму взаимодействия треугольника стран «развитого Севера» (США – ЕС – Япония). В рамки этой конструкции активно стремится «втиснуться» и Россия (далеко не всегда встречая понимание со стороны наших западных партнеров). Отсюда – некоторые нюансировки латиноамериканцами позиций в вопросах о реформе ООН, о расширении «группы восьми» и о пересмотре правил ВТО. Но с учетом стремления России добиваться перестройки глобальной и региональных систем политической и экономической безопасности на основе норм международного права, по-видимому, придется пересмотреть некоторые кажущиеся «незыблемыми» стереотипы. В условиях глобального экономического (и морального) кризиса речь идет о выборе преференциальных партнеров в деле обеспечения долгосрочной стратегии развития. Необходимо дать ответ на традиционно столь трудно решаемый для России вопрос: «С кем она?» С восходящим Востоком (к которому по многим ценностно-культурным и этическим показателям сегодня можно отнести и Латинскую Америку) или с демонстрирующим признаки «нисходящей» динамики развития Западом?

Примечания

¹ Мы склонны согласиться с мнением А.Д. Богатурова о том, что однополярный мир существовал около 10 лет – с подписания в июне 1992 г. в Вашингтоне Хартии российско-американского партнерства и дружбы до начала войны в Ираке в 2003 году. Это совпадает с выводом такого документа, как «Обзор внешней политики Российской Федерации» от 2007 г. о том, что «миф об однополярном мире окончательно рухнул в Ираке» (http://www.mid.ru./brp_4.nsf/sps/690A2BAF968B1FA4). Первыми практически попытками проведения Россией «многополярной» внешней политики можно было бы считать латиноамериканское турне тогдашнего ми-

нистра иностранных дел РФ Е.М. Примакова в 1997 году, в ходе которого им был подписан ряд документов о «стратегическом партнерстве» с ведущими государствами региона.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. // Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2003 / Под редакцией А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 538–539.

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008 г. (<http://kremlin.ru/text/docs/2008/07204108.shtml>).

⁴ Там же.

⁵ Шаклеина Т. «Порядок после Грузии» или «Порядок при Обаме»? // Международные процессы. 2008. № 3. С. 7.

⁶ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и прикладного анализа международных отношений. М., 2003. С. 284.

⁷ Waltz K. The Emerging Structure of International Politics // International Security. Vol. 18. No. 2. 1993. P. 321.

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 года.

⁹ Богатуров А.Д. Очерки теории...С.168, 291.

¹⁰ У «классика» цивилизационной теории С. Хантингтона мировые цивилизации считаются «зрелыми», если в их составе присутствует явно выраженный лидер [западная – США, православная – Россия, латиноамериканская – Россия, индустриальная – Индия и т.д.].

¹¹ Интересно в этом смысле процитировать «Белую книгу по вопросам обороны» Чили за 1998 г. (то есть за три года до терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне!). В этом документе «бум» исламского фундаментализма прямо увязывался с протестом традиционных обществ против напора западного образа жизни и культуры в условиях глобализации (Book of the National Defence of Chile. Santiago de Chile. Ministerio de Defensa, 1998. P. 34).

¹² Миршеймер Дж. Почему мы скоро будем тосковать по холодной войне // Россия в глобальной политике. 2008. №6. С. 9.

¹³ Там же. С. 12.

¹⁴ Gaddis J.L. The Cold War. London, 2007. P. ix, 266.

¹⁵ См., например: Fukuyama F. After the Neocons. America at the Crossroads. London, 2006.

¹⁶ Цит. по: Fukuyama F. Op.cit. P. 194.

¹⁷ Кейган Р. «Парадигма 12 сентября» // Россия в глобальной политике 2008, № 6. С. 120.

¹⁸ Эти полюса уже в основном сложились или находятся в процессе становления: Россия, США, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР. Они совпадают с теми центрами глобальных цивилизаций – культур, которые были выделены в свое время в трудах С. Хантингтона.

¹⁹ Потенциал международного влияния и эффективность внешней политики России (2008–начало 2009гг.) Аналитический доклад. МГИМО (У) МИД РФ. М., 2009. С. 92.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Следует отметить лидерство латиноамериканцев в разработке обширного инструментария средств и методов мирного разрешения международных споров: от переговоров и «добрых услуг» до челночной дипломатии, посредничества и арбитража, их вклад в закрепление общих принципов международного права – равенства, невмешательства и территориальной целостности. Латиноамериканские страны внедрили в международную практику принцип дипломатического убежища, разработали ряд важных новаций в морском праве, стали пионерами в деле создания первой в мире зоны, свободной от ядерного оружия (1967).

²² Book of The National defence of Chile. Santiago de Chile, 1998. P. 34.